

ОСНОВНЫЕ СОСТАВЛЯЮЩИЕ ОБРАЗНОГО КОМПОНЕНТА ЛИНГВОКУЛЬТУРНОГО ТИПАЖА «РУССКИЙ ИНТЕЛЛИГЕНТ»

В статье рассматриваются основные составляющие образного компонента лингвокультурного типажа «русский интеллигент» и проводится их контекстуальный анализ, позволяющий выделить существенные описания и уточнения в концептуализации анализируемого типа людей.

Ключевые слова: лингвокультурный типаж, образный компонент, этноспецифический концепт, концептуализировать, культура, типизировать, художественная литература.

Лингвокультурные типажы являют собой узнаваемые образы представителей определенной культуры и в совокупности составляют культуру того или иного общества. Будучи абстрактными ментальными образованиями, в исследовательском отношении они представляют собой разновидность концепта. Содержанием подобного концепта является типизируемая личность [1, с. 9]. Таким образом, мы можем выделить образную, понятийную и ценностную сторону у концепта «лингвокультурный типаж N».

Среди различных типажей русской культуры особо выделяется лингвокультурный типаж «русский интеллигент». Споры вокруг этого типажа в художественной и публицистической отечественной литературе не утихают и по сей день. Принято считать, что типаж «интеллигент» является этноспецифическим концептом – он свойственен только русской культуре [1, с. 25].

Рассматривая образный компонент концепта «русский интеллигент» нам, прежде всего, хотелось бы выделить его основные составляющие. По мнению В.И. Карасика, этот концепт типизируется как мужчина средних лет в очках, его одежда – официальный костюм с галстуком, кроме того, он хорошо воспитан, скромнен, тактичен, подчеркнуто вежлив, он читает литературу (не только по своей специальности, но и непременно художественную), умеет и любит говорить на абстрактные темы [1, с. 41].

Для того чтобы подтвердить либо опровергнуть сказанное выше, необходим контекстуальный анализ, который позволяет выделить не только существенные описания, но и уточнения в концептуализации анализируемого типа людей. Именно художественная литература дает нам представление о жизненной модели, отражая социальную психологию, коллективное сознание и все те стереотипы, что присутствуют в общественном и индивидуальном сознании. В качестве источников были взяты тексты художественных произведений разных лет. Процитируем строки поэмы М. Волошина «Россия», в которой он дает описание внешности и поведения *интеллигента начала XX века*:

... От их корней пошел интеллигент. / Его мы помним слабым и гонимым, / В измятой шляпе, в сношенном пальто, / Сутулым, бледным, с рваною бородкой, / Страдающей улыбкой и в пенсне, / Прекраснодушным, честным, мягкотелым,.. / На месте утверждения – отрицанье, / Идеи, чувства – все наоборот, / Все «под углом гражданского протеста». / Он верил в Божие небытие, / В прогресс и в конституцию, в науку, / Он

* © Ярошенко О.А., 2010

Ярошенко Ольга Алексеевна (cherskypeak@gmail.com), кафедра переводоведения и межкультурной коммуникации Саратовского государственного социально-экономического университета, 410003, Россия, г. Саратов, ул. Радищева, 89.

утверждал (свидетель — Соловьев), / Что «человек рожден от обезьяны, / А потому — нет большия любви, / Как положить свою за ближних душу».

Внешние характеристики интеллигента представлены следующими деталями:

— Рядом с ним на двухместном диванчике сел Илларион Павлович Герасимович, физик-оптик, узкоплечий невысокий человек с тем подчеркнуто-интеллигентским лицом, да еще в пенсне, с каким рисуют на наших плакатах шпионов (2, 205)*.

— Тут он остановился, нервным и торопливым движением отдернул в сторону галстук, расстегнул сорочку и на морозе показал Федору Ивановичу свою голую грудь — светящееся белое тело худенького интеллигента (3, 508).

— я уже решила, ты немой... Всякое видела, но вот немые интеллигенты ни разу не попадались — наоборот, говорливые, как спятывшие репродукторы...

— А почему обязательно интеллигент?..

— Книги — раз. Многозначительная подборка: бульварщины почти нет, зато классики теснятся рядами и колоннами в виде собраний сочинений... Классика, история, нечто техническое... ага, программирование. Иконы — два. Верующий эти полдюжины икон держал бы на божнице, как полагается, а вот интеллигент именно так и развесит по стенам, как у тебя имеет место быть — в виде чистого украшения, там и сям... Эйнштейн, бережно застекленный, — три... автографа нет ли, случаем? Нет. Я у одного видела портрет Ленина — так вот, был он с автографом, совершенно ленинским почерком. Прикол, конечно, но с фантазией... Облик твой при бородке и очках — это четыре. Все вместе взятое... (4, 146–147).

Из приведенных выше примеров видно, что при описании внешности представителей интеллигенции мы можем встретить указание на их рост и телосложение. Как правило, для этого используются такие определения как хрупкий, худенький, шуплый, невысокий, невзрачный.

— ...когда власть носила фуражку, интеллигенция ходила в шляпе, за что и была бита пролетариатом, опознавшим чужака... Когда власть надела шляпу (зимой — каракулевый пирожок), интеллигенция сбросила свою, заменив беретом и ушанкой из кошачьего меха. Власть демократизировалась и сшила себе аккуратненькую серенькую ушанку жесткой формы — усеченную деголлевку. Интеллигенция ответила бесформенной вязаной шапочкой... В начале девяностых он ездил на Дорогомилловский рынок, чтобы купить себе за три рубля черное тяжелое пальто, плохо, но крепко сшитое в пятидесятых. Плащ цвета пыльной какашки, за рубль. Летние брючата из лилового сатина, того самого, который шел на халаты для школьных техничек.

И поскольку настоящий народ непрерывно стонет, а к себе не пускает, то что остается порядочному человеку под углом гражданского протеста? Тихо ходить, скромненько одеваться, очень сочувствовать. Зря не раздражать. И намекать властям предержавшим о своей солидарности с народным горем. Не галстук, а черная водолазка под мягкий либеральный пиджак. А лучше кофта. Но можно и замшевую курточку, лишь бы гляделась ношеной и пожухлой (6, 160–164).

Подобные примеры дают нам четкое представление о том, как, по мнению многих людей, выглядели советские и постсоветские интеллигенты. За ними закрепились шляпы, тяжелые пальто и плащи. Типичный советский интеллигент — это инженер в плаще и шляпе. Что касается постсоветского периода, то в это время типичный интеллигент — писатель-политик, депутат первой волны в пиджаке и водолазке, без галстука, очень либеральный. Все это — стереотипы, сложившиеся в обществе и нашедшие отражение в литературе, что в свою очередь повлияло на наше восприятие интеллигентов. Но для создания более полного и правдоподобного образа нам и нужны уточнения и детали.

* Здесь и далее в круглых скобках первая цифра указывает на номер источника, вторая — на номер страницы.

— *Лиза хотела выскочить в коридор, но дверь захлопнулась, и в номер вошел аккуратный интеллигентный старичок с козлиной бородкой, похожий на профессора из старого советского фильма «Депутат Балтики» (7, 194–195).*

В этом примере отсутствует подробное описание внешности «интеллигентного старичка», но слово «профессор» делает возможным предположение о том, что он одет в костюм, рубашку и галстук. В тот стандартный набор, в котором мы привыкли видеть представителей этого сообщества. Такие детали при характеристике интеллигентов — борода, очки, галстук — приводятся в основном в текстах детективного жанра [1, с. 42]. В этих текстах представители интеллигенции, как правило, показаны несколько идеализированно: чистенькие, опрятные, в костюмах и галстуках. В текстах недетективного жанра подобная характеристика отсутствует, интеллигент может выглядеть и «поношенным», и «серым», и «измятым». Больше внимание уделяется не одежде, а лицу, глазам, внутреннему содержанию и тому впечатлению, которое возникает при виде человека, позиционируемого нами как интеллигент:

— *Король кинопроката — темноволосый, со лбом интеллигента — несомненно был в свое время красивым мужчиной... (8, 238).*

При описании интеллигентов можно встретить указание на их никчемность и неприспособленность к жизни. Слабость и безвольность интеллигентов — также одна из их типичных характеристик:

— *...папаша был старше него всего на восемь годочков, а маменька и того меньше, на шесть, но оба казались гораздо старше своих лет и выглядели какими-то тусклыми, словно легонькие алюминиевые пфенниги бывшей ГДР. Люди, у которых не было впереди ничего, хотя бы отдаленно напоминавшего будущее, — замурованные в янтаре времени две серенькие мышки, безвозвратно ушибленные реформами интеллигенты, не способные вырваться из нынешнего подвешенного состояния, да и не прилагавшие к тому ни малейших усилий (4, 240).*

Не всегда в тексте присутствуют обозначения концепта, о котором идет речь, но наличествуют единицы, являющиеся лексическим наполнением концепта, позволяющие заключить, что речь идет о представителях интеллигенции, например, такие, как типичные профессии и занятия интеллигентов:

— *Человек в подтяжках и туфлях, в золотом пенсне на носу, с длинной бородой винтом стоял растерянный, но одиноко важный... В прошлые годы адвокат Чирский был дружен с отцом. Социалист. Член Государственной думы всех созывов (17, 157).*

— *Рядом с ним как будто для контраста — Дмитрий Сергеевич Терновский, один из старейших сотрудников кафедры, немолодой, бело- и густоволосый, из тех, что в давние времена назывались педантами: ровный пробор не сбоку, а посреди головы, чеховское пенсне на цепочке, безукоризненный черный костюм, после каждой лекции чищенный щеточкой (18, 5).*

— *За ним гуськом тянется восьмерка разномастных интеллигентов академической наружности, они ступают робко, стесняясь своего нестрогого вида (8, 100).*

— *Пенсне придавало ему весьма интеллигентный вид, так и казалось, что сейчас изречет что-нибудь вроде: «А печень у вас, батенька, пошаливает определенно...» (5, 115).*

Контекстуальное описание внешности позволяет нам в качестве самого частотного признака интеллигента назвать наличие *очков* или *пенсне*. Другим достаточно часто встречающимся признаком можно назвать *костюм* (либо *сюртук*) и *галстук*, хотя внешние проявления в одежде для интеллигентов не всегда значимы. Они могут быть одеты в любую имеющуюся в наличии одежду, не всегда чистую и модную. Обязательное наличие костюма, на наш взгляд, — следствие стереотипизации лингвокультурного типажа «русский интеллигент», но, как мы видим из приведенных выше примеров, это не всегда так.

Интересно отметить, что описание внешности женщин-интеллиенток в художественной литературе встречается редко:

— *Одета она была по-домашнему, но модно и со вкусом, как вообще одеваются в N. все интеллигентные барыни (9, 333).*

— *Электрические шары всплыли перед Заплатиным, когда он вошел во двор и увидел фасад театра... В сенях он очутился точно в шинельных университета: студенческие пальто чернели сплошной массой, вперемежку со светло-серыми гимназистов, и с кофточками молодых женщин — «интеллигентного вида», — определил он про себя. Такая точно публика бывает на лекциях в Историческом музее. Старых лиц, тучных обывательских фигур — очень мало (11, 518).*

Часто женщины-интеллигентки описываются одним словом «интеллигентная», что значит интеллигентная во всех отношениях, а не только в отношении внешности:

— *У нас интеллигентным девушкам и женщинам решительно некуда деваться. Уезжать на курсы или поступать в учительницы, вообще жить идеями и целями, как мужчины живут, не всякая может (9, 337).*

— *За ним водилась репутация человека влюбчивого. Среди интеллигентных женщин он всегда имел большой успех (11, 516).*

Таким образом, по внешности можно определить и мужчин-интеллигентов, и женщин-интеллиенток.

Признаки, отличающие поведение интеллигента, следующие:

— *... Но я еще не был тогда академиком, и на докторской провалили — это был уже конец двадцатых годов, а я был подозрительный интеллигент дореволюционной школы. Интеллигент, не умевший заучивать наизусть, рождавший свою собственную мысль. А уже начиналась пора заучивания и чтения речей по бумажке... (3, 254–255).*

— *Еще до распада «империи зла» стали раздаваться первые звоночки, возвещавшие, что с Ликой происходит что-то непонятное и тревожащее. К кухонным дискуссиям, на которых решались судьбы страны, она не проявляла никакого интереса, отговариваясь то усталостью, то хлопотами вокруг ребенка. А вместо «Детей Арбата» и прочих возвращенных читателю романов, знание которых было обязательно для любого интеллигента, обложилась стопками книг по программированию и вычислительной технике (4, 37–38).*

— *Не оставили его и оперуполномоченные: он не послан был на лесоповал, ни в шахты, а устроен при Культурно-Воспитательной Части. Это был единственный в лагере огонек, единственный уголок, куда можно было на полчаса зайти перед отбоем и почувствовать себя человеком: перелистать газету, взять в руки гитару, вспомнить стихи или свою прежнюю неправдоподобную жизнь. Лагерные Укропы Помидоровичи (как звали воры неисправимых интеллигентов) сюда тянулись... (2, 500).*

— *Приветливые манеры, может, они от интеллигентности, от уважения к Тулину, а может быть, это привычка, выработанная для всех посетителей (12, 32).*

— *Началом своей инженерной работы Илларион Павлович застиг то время, когда слово «инженер» равнялось слову «враг» и когда пролетарской славой было подозревать в инженере — вредителя. А тут еще воспитание заставляло молодого Герасимовича кому надо и кому не надо предупредительно кланяться и говорить «извините, пожалуйста» очень мягким голосом. А на собраниях он лишился голоса совсем и сидел мышкой. Он сам не понимал, до чего он всех раздражал (2, 230–231).*

— *... Что ты морщишься? Я чудовище?*

— *Да я сам не лучше.*

— *Значит, обойдемся без интеллигентских самокопаний, идет? (4, 375).*

Подобные признаки представляют собой стиль жизни представителей интеллигенции: это и любовь к чтению классической литературы, и привычка к рефлексии, и отсутствие типичных слабостей и порочных наклонностей людей малообразован-

ных (прежде всего, пьянства) и их особая самопрезентация — модуляции голоса (тихий, спокойный, мягкий), мягкость движений, приветливые манеры, благовоспитанность (все эти умения прививаются с детства и являются показателями способности к самоконтролю).

В характеристике речи интеллигентов можно выделить следующие коммуникативные признаки: хорошо развитая речь, большой словарный запас, широкая эрудиция, любовь к цитатам и аллюзиям, запрет на использование вульгаризмов [1, с. 43]. Однако в речи современных интеллигентов вульгаризмы не редкость. Одной из характерных особенностей речевого поведения представителей интеллигенции является умение переключаться в процессе общения с одних разновидностей языка на другие в зависимости от условий общения. Подобная полигlossность (переключаться приходится на множество разновидностей) отличает интеллигенцию от других носителей языка (например, носителей просторечия, которые моногlossны) [2, с. 96–97]. Поэтому вульгарный стиль общения — это именно стиль, намеренное употребление вульгаризмов и манеры вызывающе держать себя. В другой ситуации общения будет выбран другой стиль:

— *Родик, то-то я начала замечать... Может, тебе к доктору сходить? Есть замечательный врач, чудеса делает...*

— *Иди ты на хер! — взревел он, уже не в силах сдержаться. Все горести последних лет были вложены в этот рык.*

— *М-да, — с той же интонацией произнесла Лика после недолгого молчания. — Удивительно тонкое замечание, товарищ интеллигентный инженер... (4, 29).*

Как показывает анализ материала, в обыденном сознании для того, чтобы отнести человека к интеллигенции, используется как социальный, так и культурно-этический критерий:

— *Он получил на руки коротенькую выписку из протокола комиссии и прочел ее внимательно, как читал все другие бумаги:*

Слушали: Ивагин Сергей Иванович, член РКП(б) с 1920 года, партбилет ... интеллигент.

Постановили: Исключить, как типичного интеллигента, разлагающе действующего на парторганизацию (17, 254).

— *Держалась она превосходно, как настоящая аристократка, какою, впрочем, она и была по происхождению... Ариадна, спрашивал я с ужасом, эта молодая, замечательно красивая, интеллигентная девушка, дочь сенатора, в связи с таким заурядным, неинтересным пошляком? (10, 137, 140).*

Типичными характеристиками интеллигентов являются образованность и неумение зарабатывать деньги и как следствие этого — бедность:

— *Папа был Мазуру практически ровесником и вдобавок — совершенно совдеповским доцентом, корпевшим в каком-то НИИ, где ему платили в месяц примерно столько, сколько стоила зипповская зажигалка Мазура (5, 5).*

— *Гуманитарное образование, рассуждал он, закончилось у всех его гавриков в школе. Музыкой, например, они последний раз занимались в седьмом классе, на уроках пения. С тех пор только укреплялись в своем невежестве и деградации, поскольку в университетах на биофаках никакого гуманитарного пополнения организма не происходит. Несмотря на диплом высшего образования, а также аспирантуру, то есть наивысшего образования, все равно цивилизованными людьми их считать нельзя. И в этом дремучем состоянии они хотят превратиться в профессоров и наставников. Что окончательно опозорит нашу интеллигенцию (13, 229).*

Релевантным признаком оказывается и степень интеллигентности. Прилагательное «рафинированный» предполагает самую высокую степень качества, самую высокую степень развития. В текстах художественной литературы оно обычно встречается в

сочетаниях со словом *интеллигент*. Различные группы интеллигенции образуют своего рода иерархию, где центральное место занимает творческая, артистическая интеллигенция, за ней следует гуманитарная, а нижним слоем надстройки является техническая интеллигенция:

– *Молчи, – сказал Сайкин, – знаю, что обидели. Мама, я все отлично вижу. Катя, конечно, не такая рафинированная интеллигентка, как тебе хотелось бы, зато она лучше тебя знает жизнь. А ты, прости меня, жизненных трудностей, в общем-то, не знаешь... (18, 226).*

– *Женя проходила из хорошей, насквозь музыкальной семьи, несущей свою музыкальность, как иные семьи несут наследственный недуг – гипертонию или диабет. ... главным Бахом в семье был Женин дедушка...*

... Известен он был как исполнитель, виолончелист, как педагог и музыкальный деятель – председатель разнообразных музыкальных сообществ и собраний, распределитель стипендий для бедных одаренных детей и всепомощствований для старых оркестрантов. Словом, он был настоящий русский интеллигент сборных кровей, без капли русской, между прочим. (14, 137 – 138).

– *Я думаю, что нам, русским техническим интеллигентам, пришло время сменить в России образ правления (2, 547).*

Также, в художественной литературе имеет свое место и тип бывшего интеллигента (появляется аббревиатура словосочетания: бывший интеллигентный человек – «бич»). Выражение «бывший интеллигент» имеет двойственную природу. В одних случаях бывшие интеллигенты – это люди опустившиеся, часто пьющие, их образ жизни ничем не отличается от образа жизни социальных низов общества. В других случаях – интеллигенты не перестают быть интеллигентами, не опускаются, но их образ, стиль и уровень жизни, с их точки зрения, не соответствует тому, который должны вести настоящие интеллигенты:

– *Когда умерла мать, отец, Петр Леонтьич, учитель чистописания и рисования в гимназии, запил, наступила нужда; у мальчиков не было сапог и калош, отца таскали к мировому, приходил судебный пристав и описывал мебель... Какой стыд! Аня должна была ухаживать за пьяным отцом, штопать братьям чулки, ходить на рынок... (10, 114).*

– *Стрельцы вернулись, – приподнявшись, оповестил я, – тащат за воротник какого-то забуддыгу интеллигентского вида. Судя по всему, это и есть наш искомый работник метлы (15, 141).*

– *Старый доктор после ссылки поселился в Лопяхине,.. и после гибели мужа Агния Петровна отвезла детей к нему, а сама поехала в Петербург и вернулась служащей музыкальной фирмы Циммермана.*

Так началась лопяхинская жизнь, которая была, в сущности, как сказал Митя, «историей медленного падения интеллигентной семьи» (16, 231).

– *Плевать уважаемому, что торговец – интеллигент с вузовским дипломом, вполне возможно, демократ со стажем... Ныне они обитают в разных плоскостях, разговора на равных не стоит и ждать (4, 40).*

Таким образом, контекстуальное описание концепта «русский интеллигент» помогает выделить и уточнить основные составляющие образного компонента данного концепта относительно типичной внешности интеллигента, манер и речи, образования и типичных профессий; предлагает условную иерархию различных групп интеллигенции и вычленяет характеристики так называемого бывшего интеллигента.

Библиографический список

1. Карасик В.И., Дмитриева О.А. Лингвокультурный типаж: к определению понятия // Аксиологическая лингвистика: лингвокультурные типажы: сб. науч. тр. / под ред. В.И. Карасика. Волгоград: Парадигма, 2005. 310 с.

2. Крысин Л.П. Современный русский интеллигент: попытка речевого портрета // Русский язык в научном освещении. 2001. № 1.

Источники фактического материала

1. Волошин М. Россия. URL.: www.world-art.ru/lyric.
2. Солженицын А.И. В круге первом: роман. Саратов: Приволж. книжн. изд-во, 1990. 608 с.
3. Дудинцев В.Д. Белые одежды: роман. М.: Современник, 1989. 606 с.
4. Бушков А.А. Стервятник: роман. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 1998. 528 с.
5. Бушков А.А. След пираньи: роман. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 1998. 544 с.
6. Толстая Т.Н. Река. М.: Эксмо, 2007. 384 с.
7. Александрова Н.Н. Гарнитур из электрических стульев: повесть. М.: Эксмо, 2005. 320 с.
8. Крон А. Бессонница. Капитан дальнего плавания: роман, повесть. М.: Советский писатель, 1991. 592 с.
9. Чехов А.П. Повести и рассказы. Кишинев: Литература артистикэ, 1980. Т. 1. 623 с.
10. Чехов А.П. Повести и рассказы. Пьесы. Кишинев: Литература артистикэ, 1980. Т. 2. 624 с.
11. Боборыкин П.Д. Сочинения: в 3 т. / сост., подгот. текста, примеч. С. Чуприна. М.: Худож. лит., 1993. Т. 3. 623 с.
12. Гранин Д.А. Иду на грозу: роман. Калининград: Кн. изд-во, 1973. 336 с.
13. Гранин Д.А. Зубр: Повесть. М.: Известия, 1987. 240 с.
14. Улицкая Л. Первые и последние: рассказы. М.: Эксмо, 2002. 256 с.
15. Белянин А.О. Летучий корабль: фантастический роман. М.: Альфа-книга, 2004. 325 с.
16. Каверин В.А. Открытая книга // Собрание сочинений: в 6 т. М.: Худож. лит., 1965. Т. 4. 464 с.
17. Gladkov Ф.В. Цемент: роман. М.: Профиздат, 1987. 272 с.
18. Грекова И. Кафедра. М.: Советский писатель, 1983. 544 с.

*O.A. Yaroshenko**

BASIC ELEMENTS OF IMAGE-BEARING COMPONENT OF THE LINGUO-CULTURAL CHARACTER TYPE «RUSSIAN INTELLIGENT»

The paper addresses the issue of the recent practice to describe different linguo-cultural character types. We test basic elements of image-bearing component of the linguo-cultural character type «Russian intelligent» and carry out a contextual analysis for the essential descriptions and their specifications by conceptualizing the type of people under consideration.

Key words: linguo-cultural character type, image-bearing component, ethnospecific concept, conceptualize, culture, typify, fiction.

* Yaroshenko Olga Alekseevna (cherskypeak@gmail.com), the Dept. of Theory of Translation and Intercultural Communication, Saratov State Social-Economic University, Saratov, 41003, Russia.